

Анна Александрова

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+



Смертный грех

7 штук в комплекте

Анна Александрова
Смертный грех:
7 штук в комплекте

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48477963

SelfPub; 2022

Аннотация

Необычная книга о смертных грехах человеческих. Семь историй, семь личностей, семь грехов. И только одно искупление. Кому оно достанется? Тому, кто покается в своем грехе. Но так ли это легко?

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1. Superbia (Гордыня)	4
Глава 2. Gula (Чревоугодие)	19
Глава 3. Invidia (Зависть)	25
Глава 4. Luxuria (Блуд)	34
Глава 6. Acedia (Праздность)	49
Глава 8. Искупление и Наказание.	61

Анна Александрова

Смертный грех:

7 штук в комплекте

Глава 1. Superbia (Гордыня)

– И следите, чтобы он не проводил много времени на солнце, у Андрэ слишком нежная кожа, совсем как у меня, обгорит и не заметите.

– Хорошо.

– И, Лидочка, про гомеопатию не забудьте, гранулы в контейнере на кухне, там всё подписано.

– Я помню, Вера Александровна, не переживайте.

– Кстати, утром звонил Серж, у него опять какие-то съёмки, так что салон сегодня, скорее всего, отменяется, – девушка с недовольным видом разглядывала в зеркало свою шикарную шевелюру цвета «Golden Blond». – Поэтому приеду пораньше ... наверное ... если к Мари не заскочу.... Ну всё, я готова. Где моё сокровище?! Андре, лапотусик! Иди к мамочке!

Блондинка склонилась над пухлым мальчишкой лет трёх, оставив на его и без того покрасневшихся щеках ярко-розовый след от помады.

– Веди себя хорошо, мой зайчик, – наставляла молодая мамочка своего отпрыска. – Слушайся няню Лиду, а я привезу тебе какую-нибудь игрушечку.

При последних словах блондинки в безразличных до сих пор глазах ребёнка наконец-то промелькнул интерес. Он вытащил изо рта большой круглый леденец и потянул ручонки к матери.

– Андрэ! – взвизгнула красавица. – Лида, что вы стоите?! Он сейчас испортит мне платье!

– Извините, – сказала женщина, отодвигая мальчишку и его леденец подальше от гламурного наряда мамыши.

Закатив глаза к потолку и громко цокнув, блондинка вновь принялась разглядывать себя в зеркало. Судя по всему она осталась довольна увиденным, так как самоосмотр логично завершился финальной стойкой «а-ля королева» и обворожительной улыбкой предназначенной собственному отражению. Кивнув на прощание женщине и послав с безопасного расстояния воздушный поцелуй сынишке, рублёвская красотка наконец-то переступила через порог своего особняка и направилась к ожидающему её Ламборджини.

Пожилая, но подтянутая и ухоженная женщина, которую всё утро фамильярно называли то Лидой, то Лидочкой облегченно выдохнула и, подтолкнув мальчишку в направлении входной двери, заглянула на кухню. Там, одетая в жуткую зелёную униформу, хлопотала над обедом Галя, работающая у Поповых кухаркой.

– Шо, Лидья Алексевна, уехала Вера? – скороговоркой спросила она. – Може чайку?

– Нет, спасибо, Галя, – закачала головой Лидия Алексеевна. – У Андрея по расписанию прогулка сейчас. Позже ещё загляну к вам. Я за водичкой для него зашла, сейчас опять пить захочет, как только на улицу выйдем.

– Да вот же бутыль его, я и компотику туда налила, – широко улыбнулась кухарка довольная тем, что смогла предугадать желание своей «коллеги».

Лидия Алексеевна кивком поблагодарила Галю и покинула кухню. Женщина невольно улыбнулась, заискивания толстушки ей определённо льстили. Да и вообще, весь обслуживающий персонал усадьбы относился к Лидии Алексеевне с явным почтением, что хоть как-то компенсировало то унижительное положение, в которое она попала.

Однако улыбка вновь сползла с её лица, когда выйдя во двор, она увидела, как Андрей Попов-младший ковыряет своим круглым леденцом землю в цветочной клумбе. Лидия Алексеевна молча подошла к ребёнку, подняла на ноги и так же молча повела во внутренний дворик, где для отпрыска Колбасного Короля была обустроена детская площадка.

Андрей Попов-старший сына своего любил и старался, чтобы в его жизни было всё самое лучшее и дорогое: детская площадка с горками и каруселями (правда сынишка до них ещё не дорос), породистый пёс (которого, к сожалению, пришлось на цепь посадить), и гувернантка – кандидат фи-

дологических наук, со знанием двух языков.

Лидия Алексеевна усадила мальчишку в песочницу, обложила его игрушками и присела на скамейку, вновь погружившись в размышления, полные самоистязания, обиды и претензий к окружающему миру.

Поповым она вовсе не завидовала, она их просто презирала. Вера – безмозглая блондинка, бывшая королева красоты в каком-то там Урюпинске. Андрей – владелец фабрики колбасных изделий, которую он отхватил еще в лихие девяностые. В общем, семейка, как в классическом анекдоте. И вот этим людям ей приходилось СЛУЖИТЬ! Служить! Ей! Кандидату филологических наук! Вдове профессора Лестерова! И кем? Гувернанткой! Или попросту – няней! «Няней Лидой», как называла её Вера.

Ком обиды и горечи вновь подкатил к горлу. Женщина бросила брезгливый взгляд на мальчишку, который уже успел вымазаться в земле с ног до головы. Ну какие ему иностранные языки?! Какое особое образование?! У него интеллект, как у его мамы!

Много раз Лидия Лестерова порывалась всё бросить и уйти от Поповых. Но жизненные обстоятельства не позволяли. Поповы хорошо платили, а деньги сейчас были очень нужны.

Всю жизнь Лидия Алексеевна прожила не ведая нужды. Она вовсе не была богата, но за деньгами и не гналась. Ей были важны другие ценности. Она была замужем за уважаемым человеком, она сама была уважаемым человеком, ра-

ботала на кафедре иностранных языков в самом МГИМО! Жили скромно, но с достоинством. Воспитывали замечательного сына. А потом всё обрушилось, закрутилось, завертелось, унеслось в беспросветную бездну. Сначала заболел Егор Викторович. Заболел серьёзно, Лидии Алексеевне пришлось уйти с работы, чтобы ухаживать за супругом. Год они прожили в страхе и окружении стеклянных пузырьков с лекарствами. За это время на нет ушёл весь их «финансовый запас». Потом Егора Викторовича не стало. Погоревав и выдержав положенный траур, Лидия Алексеевна собиралась уже вернуться на кафедру, когда грянула новая беда.

Её сын, её милый, добрый, умный Сашенька попал в ужасную историю. Студент второго курса МГИМО, гордость матери, замечательный мальчик Саша был обвинён в изнасиловании однокурсницы. Конечно же, Лидия Алексеевна не верила ни единому слову той бесстыжей девицы, но обвинение было выдвинуто, дело заведено, а Сашенька арестован. О возврате в институт не могло быть и речи, там только и говорили, что о её мальчике и ней самой. Такого позора Лестерова не перенесла бы. И в то же время, им очень нужны были деньги – на адвоката, на судебные издержки, на жизнь. Средств, зарабатываемых репетиторством, катастрофически не хватало, и тогда на помощь пришла давняя знакомая Лидии Алексеевны, которая и сосватала её в дом Поповых. Лестерова на работу согласилась, но унижительная роль гувернантки угнетала её.

Вот и сейчас, погруженная в мрачные мысли, Лидия Алексеевна сидела, уставившись в одну точку, и не замечала ничего вокруг. А маленький Андрей тем временем выбрался из песочницы, и, не встретив никаких препятствий, отправился в дальнюю часть усадьбы, где несколько пожухших деревьев изображали из себя грушевый сад. Лидия Алексеевна очнулась лишь, когда услышала крики Андрея, она бегом бросилась в сторону сада, но вскоре замедлила шаг, увидев, что ничего серьёзного не произошло. Мальчишка просто споткнулся и упал, слегка оцарапав колени. Женщина подняла ребёнка на ноги и начала строго отчитывать за то, что он ушел без разрешения. Однако заметив краем глаза какое-то движение за кованой оградой сада, смягчила тон. Она взяла мальчишку за руку и повела его в сторону детской площадки, бросив напоследок осторожный взгляд за ограду. Там за витыми чугунными прутьями стояли два чёрных автомобиля, сверкающих, как лакированная сумочка Веры и одинаковых, как близнецы. Даже номера у них были одинаковые и отличались лишь одной буквой в серии.

Лидии Алексеевне показалось странным, что машины остановились у дальней стороны усадьбы. Обычно гости Поповых заезжали с парадного входа. Но Лестерова не привыкла совать нос в чужие дела и потому уверенно зашагала дальше, так ни разу и не оглянувшись на загадочных посетителей. И тем более она забыла о них, когда увидела, что навстречу ей пыхтя и еле перебирая ножками-тумбами бежит

кухарка Галя.

– Ух, Лидья Алексевна! Я ужю потеряла вас! Где ж вы ходите то?

– Мы в саду гуляли, – соврала женщина.

– Ой, да какой же это сад?! – улыбнулась кухарка, кинув снисходительный взгляд на маленькую недозрелую грушу в руках у Андрея. – Брось, Андрейка, эту гадость. Вот мой кум приедет в Москву, привезёт настоящих кубанских грушек и яблочек, вот я тебя угощу, мой хороший.

Мальчишка послушно бросил грушу на землю и протянул ручонки к толстушке. Та с готовностью подхватила его на руки и то целуя, то щекотя понесла в сторону дома.

– Галя, куда вы его несете? – раздражённо спросила Лидия Алексеевна. – У него ещё время прогулки.

– Ой, батюшки! Вот дурында забыла сказать чего хотела, – затараторила Галина. – Андрей Палыч приехал. Сказал всем собираться, выходной даёт на сегодня, до вечера. И Вера тоже вернулась, Андрейкой сама заниматься будет. А всей облуге сказали ехать погулять.

При слове «облуга» Лидию Алексеевну передернуло, но она удержалась от замечаний и, поджав свои и без того тонкие губы, направилась вслед за кухаркой.

Вера действительно вернулась и раздавала распоряжения домашнему персоналу.

– Почему так долго, Лида? – раздраженно бросила красавица вместо приветствия. – Отведите Андре в его комнату,

пусть займется там чем-нибудь, я позже к нему поднимусь.

– Хорошо, Вера Александровна, – сжав губы ещё сильнее, выдавила Лидия Алексеевна.

А Верочка тем временем уже бежала навстречу своему шароподобному супругу и, сменив тон и выражение лица, запричитала:

– Ну зачем надо отправлять всех всех из дому, котик? Давай хотя бы Наташку оставим или Галю? Кто на стол накрывать будет? И Андрэ? Я не могу одновременно смотреть за ним и помогать тебе!

– Твоя помощь мне не нужна, посидишь с Андреем в комнате, – без лишних церемоний обрубил разговор Попов старший.

Вера часто-часто захлопала покрашенными ресницами, а Лидия Алексеевна, ставшая случайным свидетелем «семейного» разговора не смогла сдержать удовлетворенной улыбки.

Через час весь обслуживающий персонал усадьбы Поповых, состоящий из пяти человек, уже сидел в «хозяйственном» минивэне, готовый к отправке. В доме вместе с Поповыми остался только личный телохранитель Колбасного Короля, с которым он никогда не расставался.

– Интересно, а чего это он нас всех из дому отправил? – громко спросил водитель Миша у всех присутствующих, заводя мотор минивэна.

– У него встреча какая-то, важная очень, – уверенно за-

явила горничная Наташа. – Я слышала, как Андрей Павлович по телефону говорил, чтобы гости к шести приезжали.

– И для этого надо было всех выпроваживать? – не унимался Михаил.

– Ну тебе-то какое дело? – вмешался в разговор садовник Николай. – Радуйся! Выходной получил, и отпрашиваться даже не пришлось! Лучше давайте решать чего делать будем? У нас часиков шесть есть. Может, корпоративчик устроим?

Николай радостно потёр руки и даже ущипнул за полный бок Галину, которая сидела с ним рядом. Кухарка в голос захохотала и смущённо замахала руками на сублильного соседа. Весь Поповский персонал начал хохмить и громко обсуждать планы на вечер. Весь, кроме Лидии Алексеевны, которой перспектива такого спонтанного «корпоратива» вообще не казалась привлекательной.

Завтра у гувернантки и так был запланирован выходной, на вечер она у Веры отпросилась и сейчас думала о том, как рационально использовать освободившийся день. Можно провести его за чтением новой книги в тишине родной квартиры, или съездить к сестре в Невербин, но туда часа три-четыре ехать, и заночевать придется. Кстати, сестра что-то говорила про знакомого адвоката, который мог бы помочь в Сашенькином деле. Женщина заглянула в сумочку, ища сотовый телефон. Но телефона не было. Она забыла его в детской комнате. Лестерова взглянула на водителя Мишу:

«Попросить его вернуться?», – подумала она и невольно поморщилась. Просить не хотелось, но без предварительного звонка сестре, она не рискнёт ехать в Невербин, да и в любом случае, телефон ей нужен.

– Михаил, – заговорила она. – Я прошу извинить меня, но не могли бы вы вернуться в усадьбу? Кажется, я забыла свой телефон.

Гам и хохот в салоне минивена тут же прекратились. Четыре пары глаз уставились на чопорную гувернантку с любопытством и легким укором (так ей показалось). И женщина, ненавидя себя и всю сложившуюся ситуацию, начала оправдываться:

– Я жду важного звонка ... видимо оставила телефон в комнате Андрея. Вы можете просто высадить меня здесь, я доберусь до усадьбы сама, – выдала она, наконец, и с вызовом посмотрела на окружающих.

– Ну что вы такое говорите, Лидия Алексеевна! – вступил в диалог Николай. – Мишка, поворачивай! Сейчас всё решим, Лидия Алексеевна. Вы до Андрейкиной комнаты сами сходите или молодежь отправим?

В последнем вопросе слышалась скрытая издёвка, но Лидия Алексеевна не подала виду, что заметила:

– Я схожу сама, – сухо ответила она.

Михаил остановил машину, не доехав до парадных ворот усадьбы полсотни метров, он смущённо кашлянул и обратился к гувернантке извиняющимся тоном:

– Лидия Алексеевна, можно я вас здесь подожду? Андрей Павлович сегодня не в духе, попадусь ему под руку – зашибет. Мы пока тут постоим, ладно?

– Как считаете нужным, Михаил. Я постараюсь вернуться как можно скорее, – снисходительно улыбнулась Лестерова и вышла из машины.

Она быстро преодолела расстояние до калитки, которая так кстати была не заперта. Но попадаться на глаза Попову-старшему действительно не хотелось, и потому Лидия Алексеевна пошла не прямым путем через центральный вход, а обогнула двор по периметру и зашла в дом через боковую дверь, ведущую на кухню. Женщина выглянула в коридор – никого. Облегченно выдохнув, она поднялась вверх по лестнице в детскую комнату. Обнаружив, что и там никого нет, она слегка удивилась, но не расстроилась. «Может вообще удастся остаться незамеченной», – подумала она. Лидия Алексеевна осмотрела комнату в поисках сотового и обнаружила его рядом с телевизором, показывающим мультфильмы, которые она включила Андрею перед тем как уехать. Она взяла телефон, хотела уйти, но не смогла удержаться, чтобы не выключить работающую впустую технику. И только, когда весёлая песенка счастливых лягушат оборвалась, Лидия Алексеевна поняла, что в доме царит непривычная, гнетущая тишина. Женщина остановилась и прислушалась – не зазвонит ли в гостиной мобильный Попова, не закричит ли Андрей в родительской спальне. Но нет – тишина.

Лестерова подошла к окну детской, выходящему на игровую площадку и грушевый садик. Подошла и обмерла – на зелёном турничке, болтаясь на тонкой удавке, словно гигантская поломанная кукла на шерстяной нитке, висело тело Поповского охранника.

Чувствуя, что голова вот-вот пойдёт кругом, женщина глубоко вдохнула и медленно выдохнула. Осторожно, стараясь не касаться тонких тюлевых штор, женщина как можно ближе подошла к окну, оглядывая всю территорию усадьбы. Чуть поодаль, среди редких грушевых деревьев она увидела группу людей. Как бы далеко не находились эти люди, и каким бы плохим не было зрение Лестеровой, она сумела разглядеть всё. Андрей Попов-старший с чёрным мешком на голове и завязанными руками застрял между прутьями кованной ограды, а двое мужчин безжалостно пинали его, проталкивая на ту сторону. Розовое, исцарапанное в кровь пузо Попова, нависшее из-под разорванной рубашки, никак не проходило в проём, хотя налётчики предварительно срезали несколько прутьев. Рядом, ещё на стороне усадьбы, на земле лежала Вера. Лестерова узнала её по белому утреннему платью, которое теперь было сплошь покрыто чёрными и красными пятнами. Лицо Веры так же было скрыто под чёрной материей, но она была жива. Маленького Андрея видно не было. Скорее всего, его уже посадили в одну из машин, которые Лидия Алексеевна заметила ещё во время прогулки. Это было похищение. Всю семью Поповых похитили.

Лидия Алексеевна внимательно посмотрела на телефон, сдавленный в правой руке. Первым порывом было вызвать полицию, но что-то останавливало её. Она вновь повернула лицо в сторону окна. Попова-старшего всё-таки протолкнули через брешь в ограде, и теперь один из похитителей занимался Верой. Ещё минута и обе машины скрылись из виду, увозя «королевскую» семью в неизвестность.

А Лестерова всё медлила и медлила, гипнотизируя сотовый. Ей вдруг представилось, как её допрашивают следователи в тех вонючих, прокуренных кабинетах, где допрашивают и преступников. А потом ей привиделись репортеры, и её собственные фотографии в газетах с заголовками: «Гувернантка спасла своих хозяев», «Няня Поповых – единственный свидетель похищения». И вот тут-то Лестеровой действительно стало страшно. ВСЕ узнают, что ОНА – гувернантка!

Панический ужас больно сжал грудную клетку, вызывая приступ удушья. Все ... все узнают! Женщина стояла в оцепенении, не отводя взгляда от мобильного, но набрать заветные «02» была не в силах. Неожиданно телефон зазвонил сам. Лестерова вскрикнула и выронила трубку. Включенный на виброзвонке, телефон беззвучно гудел на полу. Выйдя наконец из ступора, Лидия Алексеевна подняла мобильный и взглянула на дисплей – «Галина».

– Да? – беря себя в руки, ответила на звонок Лестерова.

– Это Галя, – послышался быстрый говор Поповской ку-

харки, – нашли телефон Лидья Алексевна? А то мы уж подумали шо вы его найти не можете. Всё в порядке?

– Да.

– Так вы идёте?

– Да. Сейчас буду.

Лестерова отключила сотовый и посмотрела в окно, туда, где висел труп охранника. «Скорее всего, их похитили ради выкупа», – рассуждала она про себя. – «У Попова достаточно денег, чтобы и от чёрта откупиться. Пусть сами выкручиваются. Меня их разборки не касаются».

Приняв решение, Лидия Алексеевна покинула усадьбу тем же путём, что и зашла в неё, села в минивен, поблагодарила Михаила, извинилась перед окружающими за ожидание. Спокойная и холодная, как всегда. Вот только пальцы всю дорогу нервно поглаживали кнопки сотового телефона, но никто не обратил на это внимание.

Обслуживающий персонал Поповых поехал в кафе «Эльдорадо», а Лидия Алексеевна извинилась перед всеми (второй раз за день!), что не может составить им компанию и отправилась на Павелецкую площадь, откуда уходили маршрутные такси на Невербин.

Среди ряда микроавтобусов Лидия Алексеевна нашла один единственный с табличкой «НЕВЕРБИН» на лобовом стекле. Это была старенькая, повидавшая виды Газель традиционного для маршруток жёлтого цвета. Рядом с раскрытой настежь дверью стоял её водитель – низенький мужичок

неопределенного возраста, со смуглой, как будто подкопченной кожей. Водитель изобразил почтительный поклон, как только Лидия Алексеевна подошла к машине.

– Милости прошу! – прогнулся копченый. – Моя карета к вашим услугам. Может ко мне, на переднее сидение, али со всеми, в экономе классе поедите?

В любой другой день Лидия Алексеевна обязательно поставила бы этого хама на место, но сегодня у неё уже не было сил, чтобы ответить на глупые шутки. Она молча села в салон автобуса и отвернулась к окну, уткнувшись взглядом в грязное стекло и не обращая ни малейшего внимания на то, что за ним.

Глава 2. Gula (Чревоугодие)

Статный, белозубый официант, с ровным проборчиком в чёрных гладких волосах и несмываемой улыбкой американского подданного, проворно подрулил к vip-столику, неся сразу несколько блюд внушительного размера:

– Ваш заказ, сударь! Сёмга «Де Пуассо», – торжественно объявил вейтер, выкладывая на стол тарелку с лепестками норвежской семги специального посла. – А также, карпаччо из телятины, – продолжил молодой человек, и на столе действительно появилось карпаччо из телятины с салатом руккола, помидорками черри, свежими шампиньонами и соусом бальзамик. – Грибное лукошко, – выдал официант в заключении, подавая маринованные грибочки с луком, чесноком и оливковым маслом.

Спустя каких-то пять минут, тот же улыбчивый малый принес великолепный салат с романтическим названием «Гнездо альпийской птички», заключающим в себе печеную свинину, свежий и маринованный огурец, листовой салат, перепелиные яйца, сыр, маслины, жареную картофельную стружку и смачно заправленный оливковым маслом, зернистой горчицей и майонезом.

Следом за салатом подоспел и жульен грибной (грибы, запеченные под сырной шапкой в сливочном соусе).

Утиная ножка конфи с картофелем и яблоком фламбе в

клюквенном соусе обещалась быть в ближайшие полчаса.

– Эй, Миша, или как там тебя, – окликнул vip-гость официанта, уже успевшего было отойти. – Пива повтори!

– Сию минуту, сударь! – с готовностью пионера отозвался Миша (или как там его), исчезая за резной перегородкой, которая отделяла vip-зону от зала для простых смертных.

И хотя остальных гостей ресторана навряд ли можно было бы отнести к простым смертным (ибо не каждый может позволить себе обед в этом новомодном ресторане с многообещающим названием «Париж»), сегодняшние vip-клиенты действительно были ну очень важными персонами – сам заместитель начальника территориального отделения Роспотребнадзора по Восточному округу города Москвы (а попросту инспектор СЭС) с супругой!

Супруга сидела за столом в пол оборота, ковыряя вилкой ломтик семги – единственной закуски из всего изобилия, попавшей на её персональную тарелку. Ей было не до еды. Она внимательно рассматривала мужа, как будто видела его впервые. А уважаемый инспектор, не замечая ничего и никого вокруг, с завидным аппетитом употреблял гастрономические дары заведения.

Начал он всё с той же сёмги, подцепив на вилку сразу несколько кусков. Карпаччо из телятины цепляться на вилку почему то не хотело, пришлось взять его руками, отодвинув в сторону рукколу и помидоры. Салат «Гнездо альпийской птички» был тщательно перемешан господином инспекто-

ром, но в процессе перемешивания часть салата (а именно жареная картофельная стружка и парочка слайсов свинины) высыпались на стол, господин инспектор был вынужден собирать съестные потери салфеткой, дабы не вляпаться в них белыми манжетами рубашки. Однако чуть позже манжеты всё равно пострадали от сливочного соуса, который в изобилии присутствовал в жульене.

– Славно перекусил, – сказал довольный инспектор, откинувшись на спинку стула и закуривая сигарету. – Ещё утиную ножку дождусь, и будет мне щастие.

– Как ты можешь столько есть? – не выдержала супруга.

– Ты же знаешь, я люблю покушать.

– Но ведь это просто вредно.

– Всё полезно, что в рот полезло, – сказал инспектор и громко хохотнул над собственной шуткой.

– Нет, Гриша, так нельзя, – едва не всхлипывая, возмутилась женщина. – И прекрати курить! Ты обещал бросить!

– Опять двадцать-пять.... Олечка, я брошу, но попозже.

– Когда позже? Боже мой, Гриша!

– Ну что ты опять завелась, – недовольно пробурчал Гриша, но сигарету потушил.

– Мне тридцать два года, – начала женщина дрожащим голосом. – Я хочу детей, я хочу нормальную семью.

– Я тоже хочу детей, родная, – попытался успокоить жену инспектор, беря её за руку. – И они у нас обязательно будут.

Было видно, что разговор сей поднимается не в первый

раз и мужчина знает, что и как сказать супруге.

– Нет! – воскликнула женщина, отдергивая руку. – Не будут! У тебя тератозооспермия! Восемьдесят процентов аномальных спермиев! И подвижность почти нулевая!

– Дались тебе эти анализы, – с досадой пробормотал инспектор. – Всё это чушь! Зачал же я как-то Вовку.

При упоминании Гришиного сына от первого брака, женщина окончательно замкнулась в себе и, поджав аккуратно накрашенные губы, отчеканила:

– Это было пятнадцать лет назад. Ты, наверное, был в лучшей форме тогда. А сейчас ты дымишь, как паровоз, без бутылки пива и дня прожить не можешь, и жрё ... и ешь, как ... свинья. Забыл? Доктор сказала тебе сидеть на витаминно-оксидантной диете, и ничего жирного не есть!

– К чёрту этого доктора! – возмутился инспектор. – Какая диета?! Я что? Девица на выданье за фигурой блюсти?!!!

– Ты ничего не понял. Или не хочешь понимать. Мне надоело бороться с тобой и твоими вредными привычками. Я к маме ... уезжаю.

Женщина решительно встала и взяла со стола связку автомобильных ключей.

– Олечка, дорогая, давай ещё раз всё обсудим

– Мне не о чем с тобой больше говорить. Прощай!

Женщина стремительно покинула vip-зону ресторана и в несколько секунд оказалась у выхода. Инспектор подскочил было, чтобы кинуться вдогонку за супругой, но тут на пу-

ти его возник официант Миша, бережно неся белоснежное блюдо, на коем бесстыже разлеглась утиная ножка «Конфи». Тучный инспектор замешкался, обходя официанта и его драгоценную ношу, и в итоге, момент был упущен. Ольга покинула «Париж», укатив на семейном Вольво в неизвестном направлении.

Хотя почему в неизвестном? Сказала же – к маме. Значит в Невербин поехала. Расстроенный инспектор вернулся на своё место, понуро опустив голову. И даже чудесная «Конфи» не радовала его. Жёну инспектор действительно любил, и ссора с ней могла лишить его аппетита на все выходные. Надо было во что бы то ни стало помириться. «Но как?» – думал Гриша, наморщив узенький лоб. – «Машину забрала Ольга. До Невербина 150 километров, на метро не доедешь. Тёща как-то на автобусе приезжала... Вроде как даже маршрутки с Павелецкого ходят. К вечеру точно буду на месте, а там и Оленька отойдёт, помиримся».

Приняв решение, инспектор облегченно выдохнул и заказал на десерт торт Маттерхорн, представляющий из себя изумительное сочетание орехов и ананаса со сливочным муссом.

На Павелецкой площади Григорий был часа через два. Он не спеша вышагивал мимо ряда автобусов, пока не нашёл нужный. Жёлтенькая Газель с примечательными номерами «Р666ОК» пристроилась в самом конце длинной колонны.

– Забавный номер, – пробормотал Гриша себе под нос.

– А это шурин постарался. Он у меня шутник тот ещё! – прозвучал неожиданный ответ на его реплику.

Инспектор перевёл взгляд на говорившего. Перед ним стоял невысокий мужчина, типичный водила: кепка, закатанные рукава рубашки, потертые джинсы, на ремне прицеплена сумка-кошелёк.

– Вы на Невербин? Скоро отправляетесь? – спросил Гриша.

– Да вот, соберём автобус и поедем. Сам тороплюсь домой, но порожняком ехать не хочется. Ты, мил человек, перекуси пока сходи, дорога то дальняя, – мужичок кивнул головой в сторону яркого киоска с пирожками-чебуреками.

Гриша прислушался к своему организму, и буквально почувствовал, как тяжело переворачивается в животе «Конфи», придавленная «Маттерхорном».

– Не-е-е, – замотал круглой черепушкой инспектор.

– Ну, тады просто покури, надо же как-то время скоротать, – посоветовал словоохотливый водитель.

– Это можно, – согласился Гриша, вытаскивая пачку сигарет.

Глава 3. Invidia (Зависть)

– Здравсте, Марь Николавна!

– Здравствуй, – кивнула молодая учительница пробежавшему мимо пятиклашке, но на мальчишку даже не взглянула.

Марию куда больше интересовал новенький BMW, неуклюже спрятавшийся за желтеющим кустом акации. Девушка не торопясь шла к школьным воротам, украдкой разглядывая автомобиль, а вернее того, кто в нем сидел. Когда же дверца дорогого авто наконец-то открылась, Мария Николаевна изобразила на своём лице полнейшее равнодушие, но глаза в сторону выходящего пассажира скосила.

На опавшие, пожухшие листья акации ступила аккуратенькая маленькая ножка в чёрной туфельке.

– Маш, привет! Подожди меня, – окликнула Марию Николаевну владелица прелестных ножек.

Мария остановилась, улыбнулась водителю «Бэхи», который приветливо махал ей сквозь распахнутую дверцу и, прижав к полной груди томик Достоевского, стала ждать подругу.

Попрощавшись с молодым человеком, девушка из BMW легко перепрыгнула лужу перед тротуаром и оказалась рядом с Марией.

– Манечка, прррриивееееет! – пропела красотка, целуя

подругу в щёку.

– Привет – привет! А чего это ты с Романом заявила?

– А вот!

– У вас что, свидание с утра было?

– Не-а!

– Ночевала у него?!!!

– Ага.

– Да ты что?! И что?

– И всё.

– Блин, Верка! Ну чего тянешь?! Было что-то?

– Ну конечно, Маш! Не Достоевского же мы с ним читали всю ночь, – засмеялась Вера, кивая на книгу в руках подруги.

– И что теперь?

– Ну что Мы теперь вместе. Рома предложил к нему переехать. Ой, видела бы ты его квартиру! Но я пока думаю. Не хочу торопиться.

– Дура ты, Верка! Чего тут думать? Такой мужик шикарный! Месяц за тобой ходил! Думает она. Переезжай быстрее, пока он не передумал.

– Да ладно тебе, там видно будет. Ты лучше скажи, ты чего так рано? Тебе сегодня только к третьему уроку вроде.

– Лучше не спрашивай, – сказала Мария, открывая тяжёлую входную дверь школы. – Грымза Ивановна поручила мне подготовку «Праздника Осени». Полезу сейчас в Интернет, сценарии искать.

– Хочешь, помогу со сценарием? Ты же знаешь, я люблю

эти вещи. Ты, кстати, дочитала роман мой?

– Нет, Вера, прости, – ответила Маша, почему-то отводя глаза в сторону. – Столько работы сейчас, не до романов.

– А мне до Романов, – хохотнула Вера, но продолжила вполне серьёзно. – Ты его уже две недели читаешь. Неужели так неинтересно?

– Интересно-интересно, поправить кое-что надо, а так вполне интересно, просто времени нету.

– Ладно. А что папа твой? Тоже времени нет?

– Не знаю, – начала раздражаться Мария. – Он сам не звонит, а я его беспокоить не хочу. Может, позже позвоню, когда сама дочитаю.

– Ну, ладно, – снова повторила Вера смущённо. – Ты в учительскую?

– Да.

– Я к своей шантропе пошла, увидимся ещё.

– Угу, – кивнула Мария и скрылась за дверью учительской.

До перемены оставалось ещё минут двадцать, в кабинете никого не было. Мария включила компьютер и, пока тот загружался, навела себе кружку растворимого кофе. Как можно удобнее расположившись в неудобном кресле и, совершив все предварительные ритуалы, девушка принялась за работу. Но начала она, конечно же, не с поиска сценария для праздника, а с проверки собственной электронной почты. Во входящих оказалось три письма: один спам, одно уведомле-

ние со странички в социальной сети и письмо из издательства «АСТ». При виде последнего сердце девушки тревожно забилося. Однако мимолётного взгляда на текст сообщения было достаточно, чтобы понять, что это отказ – сухой, формальный отказ, коих она получила уже не один десяток. «Здравствуйте! К сожалению, предложенное Вами произведение не подходит издательству АСТ. Желаем Вам удачи и творческих успехов!»

Мария Николаевна Стребкова имела высшее филологическое образование и работала учительницей русского языка и литературы. А в свободное от работы время писала рассказы, повести и даже романы (таковых в её репертуаре было целых три). В этом не было ничего удивительного. Многие начинающие или несостоявшиеся писатели имеют филологическое образование и работают в школе. Не удивительно и то, что Мария стабильно получала отказы от издательств, так как пробиться в мир печатной литературы начинающему писателю не то чтобы трудно, а очень-очень трудно. Пожалуй, что и невозможно, если ты не очевидный гений, или связей нет. Удивительным же было то, что пресловутые связи у Марии всё-таки были. Её родной отец, Николай Петрович Стребков, работал ни кем иным, как директором одного весьма крупного издательства. Он выпустил в свет десятки молодых авторов, он продал миллионы, сотни миллионов книг, а вот собственную дочь печатать отказывался.

– Милая, это не пойдёт, – говаривал Николай Петрович,

прочитав очередной рассказ дочери. – Попробуй пристроить его в каком-нибудь женском журнале. А для широкой публики слабовато.

Однажды, не выдержав натиска супруги и дочери, Николай Петрович, всё же отправил в печать один из Машиных романов. Тираж был небольшой, но на продвижение ушли немалые деньги. Однако действительно не пошло. Книга провалилась, и несколько тысяч экземпляров все еще пылились на складе издательства.

Внемя своему внутреннему чутью и опыту, Николай Петрович не принимал к изданию Машины работы, а она, не желая сдаваться, отправляла их в другие издательства и получала отказ за отказом.

Мария не была одинока в своём увлечении писательством. Её коллега и подруга Вера, тоже пробовала себя в роли автора. Правда об этом никто, кроме Маши и не знал. Вера была всего лишь учительницей младших классов, писать начала сравнительно недавно и то с подачи Марии. Попробовала – понравилось. Парочка рассказов, потом ещё парочка. В ее рассказах было много огрехов: стилистических, синтаксических. Маша, будучи профессионалом дела, их быстро улавливала и растолковывала подруге что, да как. В общем, учила её тому, что знала сама. И со временем работы Веры стали весьма недурны. А недавно она написала роман, свой первый роман. Это была Вещь! Мария поняла сразу, как только прочитала «Право на ошибку», что перед ней

потенциальный бестселлер. Она проглотила его целиком, за два дня. Потом перечитала ещё раз, специально, чтобы найти хоть что-нибудь, к чему можно придраться. Но не нашла. Это была Вещь!

Вот тут-то в душе доброй, умной, открытой девушки зашевелилось неведомое ей доселе чувство. И имя этому чувству – Зависть. Оно было скользкое, холодное, шипящее. Оно раздирало её душу изнутри, вгрызалось в сердце. Оно было таким сильным, что порой казалось, будто тело ломит от зависти. Вот так, наверное, Сальери завидовал Моцарту, и отравил его, потому как ТАКУЮ муку вынести невозможно.

Но Мария вовсе не собиралась никого травить и не хотела никому завидовать, а уж тем более лучшей подруге. Она отчаянно пыталась очистить душу от того змеиного чувства, что откровенно портило ей жизнь. В порыве благодушия, она даже отдала роман Веры на прочтение отцу, хотя уже на следующий день пожалела об этом. Забрать у отца рукопись Маша не решилась, так как понимала, что спровоцирует этим его любопытство. Оставалось только надеяться, что роман Николаю Петровичу не понравится. В общем-то, надежда с каждым днём крепла всё сильнее и сильнее, так как Николай Петрович вот уже десять дней как получил рукопись, а так до сих пор ничего и не ответил. Может он просто забыл про неё? Тогда тем более не надо ни о чём его спрашивать.

И стоило Маше вспомнить про отца, как зазвонил сотовый телефон, и на экране высветилось «ПАПА».

– Да, пап.

– Привет, Машенька, не отвлекаю?

– Нет, говори.

– Машунь, я по поводу романа твоей подруги.

– Да, – спокойно отозвалась Маша, а сердце так и ухнуло

вниз.

– Мне очень понравилась работа. Хорошая. Я показал рукопись нашему редактору. Семёныч тоже её одобрил. Так что засылай подругу в издательство, будем обсуждать условия контракта.

– Хорошо, пап, – выдавила из себя Машуня.

– Ну тогда всё, малыш, у меня тут дела. Пока!

– Пока.

Мария сидела в оцепенении, приложив руку к горлу, как будто пыталась удержать того змея, что сжимал её шею всё сильнее и сильнее. Прозвенел звонок. Девушка встряхнула головой, попыталась улыбнуться, чтобы сбросить с лица гримасу уныния.

Кажется, получилось – никто из коллег не заметил ее подавленного состояния. И уроки она отвела строго по прописанному плану: Пушкин у пятого «А», Чернышевский у десятого «В» и Достоевский у одиннадцатого.

Даже Вера ничего не поняла, всё болтала о своём Ромке. Вот теперь ещё и Рома у неё есть!

– Маш, ну ты чего такая заторможенная сегодня! – одернула Вера подругу. – Куда пойдем, спрашиваю?

– Зачем? Куда пойдём? Ты о чём?

– Вот ты тормоз! Говорю же, пойдём, посидим где-нибудь, пятница же! Ромка, может, подъедет.

– Я не пойду никуда, – медленно, обдумывая каждое слово, произнесла Мария. – Хватит с тебя и твоего Романа. Кстати, сегодня папа звонил.

– И что?

– Ничего. Забраковал «Право на ошибку». Говорит, что работа незрелая, слабая.

– Слабая?

– Не расстраивайся. Это ведь первый твой роман. Я и то только с третьей попытки издалась. Так что набирайся опыта пока.

– Да, конечно, – пробормотала Вера невнятно.

– Я поехала, мне ещё до Павелецкой добраться надо.

– Ты куда-то уезжаешь?

– Хочу в Невербин на выходные смотаться, у тетки переночую. Завтра у них день города, будет праздник, мероприятия разные.

– А-а-а, – равнодушно протянула Вера.

– Ну, пока! Роме привет.

Маша махнула рукой на прощание и, энергично размахивая пухлыми ручками, зашагала в сторону метро.

– Хрен тебе, а не контракт на издание! – злобно прошипела эта милая с виду девушка.

Мария быстро добралась до Павелецкой площади, ещё

быстрее она нашла нужную ей маршрутку. Водитель маршрутки, подозрительного вида мужчина в клетчатой рубашке и съехавшей на затылок кепке, беспардонно разглядывал девушку с головы до ног.

– Вы на Невербин сейчас едете? – спросила Маша у мужчины.

– Угу! – показывая длинный ряд золотых зубов, растянувшись в улыбке водитель. – Садись, красавица, прокачу с ветерком! Сейчас только ещё пассажиров дождёмся и рванём. Никто не догонит!

Мужчина вызвал в девушке неприятные чувства. Мария неуверенно заглянула в салон Газели. Но, увидев серьёзного вида женщину и добродушно улыбающегося толстяка, успокоилась. «Попутчики приличные, значит бояться нечего», – подумала Маша и села рядом с женщиной.

Глава 4. Luxuria (Блуд)

Утро этой пятницы началось для слесаря невербинского металлопрокатного завода Сашки Селиванова значительно позже, чем обычно. Он дрых аж до восьми утра, да и проснувшись, позволил себе поваляться в кровати ещё почти полчаса. «А что такого? Полчаса погоды всё равно не сделают», – думал Сашка, лениво потягиваясь. Рука скользнула по чему-то гладкому и сладостно-приятному. Сашка повернул голову и увидел на соседней подушке скомканную комбинацию. «Натусик», – пронеслось в голове, и лицо растянулось в счастливой улыбке влюблённого.

Натусиком звали молодую жену слесаря, и в момент Сашкиного пробуждения она уже всюду трудилась на благо государства в Госпитале Ветеранов. Наташа работала медсестрой, и как ни старалась она подмениться на эту пятницу, ничего у неё не получилось, пришлось бежать на работу ни свет ни заря. Так что Сашка теперь был вынужден ехать в Москву один-одинешенек, откладывая больше нельзя. А хоть бы и один! Всё равно лучше, чем на заводе весь день впахивать.

Сашка приподнялся на локтях, заглядывая на кухонный столик, примостившийся у единственного окна их общаговской комнаты. На синей клетчатой скатерти стояли две тарелки прикрытые салфетками.

– Натуусик, – уже вслух произнес молодой человек, пы-

таясь угадать под очертаниями салфеток природу завтрака, оставленного заботливой женошкой.

Прием пищи, утренний туалет и сборы заняли у Сашки ровно двадцать минут – год, проведённый в армии, не прошёл зря. Проверив наличие паспортов и денег в лёгкой наплечной сумке, парень отправился навстречу городу-мечте, навстречу Москве.

Отдав маршрутчику за проезд целых триста рублей, Саша Селиванов уже в начале первого был на Павелецкой площади. Дальше стояла задача посложнее: доехать до улицы Южнопортовая, найти там офисный центр за номером 5, и уже в этом офисном центре найти туристическое агентство «Улётное».

Дело в том, что агентство это принадлежало двоюродной сестре Натусика Виолетте. А Виолетка обещала помочь с путевками для свадебного путешествия. Вообще-то свадьбу они сыграли еще три месяца назад, и Наташины родственники (Сашка подозревал, что без Виолетты тут не обошлось) подарили им путёвку в любую точку мира на сумму сто тысяч рублей. «Лучше бы деньгами подарили», – вздыхал про себя Сашка. – «Глядишь, батяня добавил бы чуток, и машину купили бы». Но дареному коню в зубы не смотрят, и потому, оформив загранпаспорта, Сашка решил не откладывать путешествие в долгий ящик. А то, чего доброго, новоиспеченные родственники откажутся оплачивать путевку по прошествии времени, с них станется.

Правда был у Сашки еще один вариант – купить путевку подешевле, а оставшиеся деньги забрать да и вложить таки в машину. «Леший прошлой весной всего сорок тыщ отдал за двоих, и оттянулся по полной», – размышлял Сашка, поднимаясь из подземки. «Правда он в Турцию летал, а Натусик на Канары замахнулась. Тенериф ей подавай! Явно тут Виолетка поработала. Ей, чем дороже, тем выгодней. За Тенериф, поди, ещё и доплачивать придётся».

Офис туристического агентства «Улётное» находился на пятом этаже. Это был типичный офис небольшого туристического агентства: бесцветные жалюзи на окнах, три рабочих стола с компьютерами, принтер, факс, карта мира на стене, большой глобус у окна, и огромное количество сувениров, расставленных невпопад.

В офисе Сашку встретили две девушки с одинаковыми зелёными платками на шее и одинаковыми розовыми прыщами на лице. Виолетты не было.

– Здравствуйте! – широко заулыбалась одна из девушек (вероятно, они соблюдали очередь в обработке клиентов, так как вторая девица даже не посмотрела на Сашку). – Проходите! Планируете путешествие?

– Нет. Да. Мне Виолетта нужна. Здрасьте.

– А-а-а, – разочарованно протянула девушка. – Виолетта Ивановна сейчас подойдёт, она вышла на минуточку. Можете присесть пока к её столу.

Девушка указала на единственный незанятый стол у ок-

на и, следуя примеру коллеги, уткнулась в свой компьютер. Саша присел на краешек стула, приставленного с торцевой стороны Виолеттиного стола и начал разглядывать нехитрое убранство офиса, особенно его заинтересовали фигурки слонов, выставленные на подоконнике.

«А вообще-то Виолетка молодец», – думал Сашка. – «В Москву перебралась, квартиру здесь снимает, вон фирму свою открыла. Бизнес-леди! И всё одна, всё без мужика. Натусик говорила ...».

– О! Селиванов! – прервала поток его мыслей вошедшая в кабинет хозяйка офиса. – Привет! Я же сказала, позвони, как подъезжать будешь. Я бы встретила.

– А чё звонить то? Я чё сам добраться не могу? Привет.

– Вижу, что можешь. Привез паспорта?

– Вот, – парень достал из сумки смятую мультифору, а в ней лежали два новеньких загранпаспорта.

– Вот и чудненько! – сказала Виолетта, присаживаясь за стол. – Сейчас договор подпишем. Паспорта я забираю, надо будет визу оформить. Отель я вам подобрала не дорогой, но очень даже хороший. Вот, можешь пока посмотреть.

Виолетта достала из-под стола огромный цветной каталог, и быстро отыскав в нем нужную страницу, подвинула его к Сашке. Последний немного помялся, прочитал непонятное название отеля и всё же решился:

– Виолет, слушай, а может ну его к чёрту этот Тенериф.

– Не поняла. Мы же с Наташей обо всём договорились.

– Ну, я тут подумал. Мы и в Турции хорошо отдохнём. А деньги оставшиеся лучше с собой возьмём, там потратим.

– Вон оно как. Наташа тоже так думает? – спросила Виолетта, хитро прищурившись.

– А ты ей скажи, что на Тенериф путёвки закончились. Я в долгу не останусь – тебе с оставшихся денег три тыщи.

Виолетта расхохоталась так громко и заразительно, что две её курицы в зелёных галстуках повысовывались из-за мониторов и тоже начали скалиться.

– Ну ты жмот, Селиванов! – сказала Виолетта успокоившись. – Уговорил, будет тебе Турция. Наташке всё равно – что Тенерифе, что Анталья, будет рада и этому. Три тысячи можешь оставить себе, купишь супруге подарок. Лиза, – обратилась Виолетта к одной из девушек. – Подбери что-нибудь попримичнее, но чтоб не дороже ... пятидесяти ... на двоих.

– Хорошо Виолетта Ивановна. А на какой период?

– В октябре у нас отпуск, – вставил свои пять слов, обидевшийся на слово “жмот”, Сашка.

– Ладно, Селиванов, – примирительно сказала Виолетта. – Пойдём, пообедаем. Девочки пока подготовят всё.

Спускаясь на лифте с пятого этажа, Виолетта не отрывалась от телефона, а бедный Сашка терзался мыслями примерно такого плана: «Пообедаем! Где пообедаем? Шаурмой тебя не удивишь. В ресторан сейчас потащит. А мне потом рассчитываться! При здешних ценах тыщ пять не меньше бу-

дет. А сколько у меня с собой? Триста отдал маршрутчику, в метро мелочь из кармана, значит осталось еще где-то тыща семьсот. А ещё на обратную дорогу.... Какой, нахрен, ресторан?!».

– Виолет, я есть то не хочу, – сказал Сашка, как только его спутница оторвалась от мобильного. – Совсем не хочу ... перекусил по дороге. Может, лучше вернёмся, поможем твоей этой ... Лизе, а то кто её знает, чего она там найдет.

– Что? – переспросила Виолетта.

– Есть, говорю, не хочу. Может ну его, этот обед.

Виолетта внимательно посмотрела на смущенного, переминающегося с ноги на ногу Сашку, кажется, всё поняла, но смеяться не стала. И даже наоборот, улыбнулась, подхватила молодого человека под руку, и так просто и по-дружески сказала:

– А пойдём, Селиванов, ко мне! Я тут рядом живу. У меня полка в ванной обвалилась, сделаешь. А я тебя за это кофе угощу.

– Давай! – обрадовался Сашка, что так легко отделался.

С обвалившейся полкой Саша справился за пять минут, было бы что делать – пустяки! «По всему видать, что мужика здесь не бывает, а баба есть баба – она и гвоздь то вбить не сможет», – думал Сашка, ремонтируя заодно и сливной бачок унитаза. «Хотя странно это. Виолетка – девка видная, красивая. Натусик говорила, ей уж тридцать четыре, а всё не замужем. Хотя ни за чтобы не подумал, что за тридцать уже.

Вон какая тоненькая, и одевается ... стильно».

Выйдя, наконец, из ванной комнаты, Сашка обнаружил, что обещанный кофе был уже готов, а к нему в придачу разместились на столе бутылочка французского коньяка, шоколадка и несколько бутербродов с икрой.

– Садись, Селиванов. Отметим удачную сделку, – подмигнула Сашке Виолетта, щедро добавляя коньяк в дымящийся кофе.

Напиток обжег всё нутро и в прямом и в переносном смысле, ибо кофе был горячий, а коньяк крепкий. Голова приятно закружилась, по ногам и рукам растеклась томная нега. Сашка вальяжно откинулся на спинку стула, потянулся, как домашний котяра.

– Хорошо у тебя, – сказал он, разглядывая Виолетку сквозь щелочки прищуренных глаз.

– Я старалась.

Тоненькой ручкой Виолетта взяла со стола дольку тёмного шоколада, откусила кусочек, а упавшую на губу крошку облизнула язычком. Да так, что у Сашки во рту пересохло. «Так в кино каком-то было», – пронеслось в его голове. – «А она теперь, наверное, московская штучка». Что понимал под «московской штучкой» Сашка, ведомо только ему.

– Пойду, посмотрю, что ты там у меня в ванной наваял, – сказала Виолетта вставая.

Совершенно не думая, а следуя каким-то внутренним животным инстинктам, Сашка мгновенно подскочил и, тяжело

дыша, преградил Виолетте дорогу.

– Эй, ты чего, Селиванов? – задала риторический вопрос Виолетта, прекрасно понимая «чего он».

Сашка прикрыл ослотившие глаза, вытянул губы трубочкой и потянулся к Виолетте. Та секунду-другую медлила, смешливо улыбаясь, потом произнесла непонятное «Ну и пофиг!» и ответила на поцелуй.

Не переставая целоваться, пыхтя и стаскивая друг с друга одежду, они переместились из кухни в гостиную, служившую Виолетте и спальней, упали на небрежно застеленный диван и занялись сексом – бездумным, животным сексом. Ни одной мысли не возникло в голове Сашки Селиванова, пока он ритмично двигал тазом, вгоняя свой член, как можно глубже. Хотя нет, одна мысль всё-таки проскочила: «Ох-хх, хороша дрянь! Хороша московская штучка!».

Когда же Сашка шел по Павелецкой площади к автобусной остановке, мыслей в его голове было хоть отбавляй, и все толкались, наскакивали друг на друга, не давая бедолаге слесарю сосредоточиться: «А что если расскажет? Не-е-е, не расскажет. Зачем ей с роднёй рамсаться? Огонь-баба! Натусик против неё – салага. Вон как без мужика одичала. Только бы не рассказала. Не должна. А если она в меня влюбилась? А чё! Не, не расскажет.... Надо будет потом как-нить ещё съездить, починить ей что-нибудь».

Путаясь в своих мыслях Сашка словно на автопилоте дошёл до нужного ему автобуса, желтенькой Газели,

приютившейся с самого краю остановки. Рядом с маршрутным такси стоял смуглый мужичок, который и вывел молодого человека из глубокой задумчивости:

– Тебе куда, сынок? – спросил мужик, прищуривая чёрные, как уголь глаза.

– А? В Невербин.

– Ну, тогда полезай ко мне. Я единственный, кто в ту сторону. Можешь пока признакомиться, – мужик заговорщицки подмигнул Саньке, кивая в сторону пухленькой пассажирки, уже сидевшей в салоне микроавтобуса.

Девушка, вероятно, услышала его слова, так как сердито взглянула на Сашку и тут же отвернулась. Сидевшая рядом с ней женщина не отрываясь смотрела в окно, а толстый мужик, уткнулся лбом в портфель, стоящий на его коленках и, кажется, спал. Сашка решил не строить из себя «мистера любезность» и, не здороваясь, прошёл на задний ряд сидений. Там он уселся поудобнее и опять погрузился в паутину своих противоречивых мыслей.

Глава 5. Avaritia (Алчность)

– Мне очень ... жаль. Крепитесь, голубушка. И ведь самое обидное, что совсем чуть-чуть не успели! Конечно, операция не давала стопроцентной гарантии, но Ах, что теперь! Крепитесь, голубушка, крепитесь.

Доктору Андрееву не впервой было говорить такие слова, но каждый раз он говорил их искренне. Ему действительно

но было жаль. Было жаль своего несостоявшегося пациента, жаль его несчастную жену, которая смотрела на него немигающим взглядом, не желая верить, что всё кончено, что мужа её больше нет.

– Да вы присаживайтесь, Маргарита Павловна. Может водички вам?

Женщина послушно села на больничную кушетку, но вопрос о водичке оставила без ответа.

– Сбегай-ка за успокоительным, – шепнул Андреев медсестре, а сам присел рядом с Маргаритой. – Как вы себя чувствуете?

А как она могла себя чувствовать?! Она была в шоке. Лёнечки больше нет! И как же ей теперь быть? Она осталась одна, совсем одна....

Леонид и Маргарита Бельские прожили вместе почти двадцать лет, детей у них не было, но они как-то смирились с этим и жили в своё удовольствие, заботясь друг о друге. Маргарита работала простым бухгалтером в крупной коммерческой организации – тихий, неприметный работник. А вот Лёнечка был фигурой известной и многоуважаемой – профессор, доктор физико-математических наук, ректор Невербинского Государственного Университета.

Когда Лёнечка заболел, и на лечение понадобились деньги, очень многие откликнулись на призыв о помощи. Вообще-то на личном счету Маргариты Павловны лежала довольно крупная сумма (они с Лёнечкой копили на загородный

домик), но коллеги и друзья Леонида Дмитриевича так быстро организовали сбор средств в пользу больного ректора, что Маргарита сочла возможным не трогать собственные накопления, оставив их, как говорится, на чёрный день. Лечение и уход за Лёничкой целиком осуществлялись за деньги, перечисляемые на вновь открытый по этому случаю счёт.

И всё, казалось, шло хорошо, пока не наступил тот самый чёрный день – Лёничке стало хуже. Врачи направили его на операцию, да вот только операция стоила без малого четыре миллиона. Таких денег даже на личном счету Маргариты не было. Но коллеги Леонида Дмитриевича и тут не оставили их в беде, обратившись к общественности, к студентам, ко всем, кто был неравнодушен. Деньги рекой потекли на специальный счёт, Маргарита лишь диву давалась, получая сообщение за сообщением о вновь поступивших средствах. И вновь появилась надежда, что мечта о загородном домике останется нетронутой.

Лёничка был уже совсем плох, он лежал в Московской городской онкологической больнице, в ожидании операции, и Маргарита навещала его так часто, как только могла.

– Потерпи ещё немножко, родной, – говорила она мужу, если тот открывал глаза. – Потерпи. Скоро нужная сумма соберётся.... Сделаем операцию, выздоровеешь, а потом купим тот самый домик в садоводстве «Вишнёвом», будем там воздухом дышать.

Нужная сумма набралась, но как оказалось, слишком

поздно – Леонид Дмитриевич Бельский скончался за два дня до назначенной операции.

– Как вы себя чувствуете? – повторил вопрос доктор Андреев. – Вы можете говорить?

– Да, – ответила Маргарита, беря эмоции под контроль.

– Маргарита Павловна, я понимаю, что вам сейчас тяжело. И этот разговор... Леонида Дмитриевича уже не вернёшь, но вот Вы ... Вы можете спасти другую жизнь. У нас в отделении лежит девушка, семнадцать лет, ребёнок ещё совсем. Диагноз тот же, что и у вашего супруга. А денег на операцию нет. А ведь операционная почти готова! Оборудование уже установили. Профессор Штольц вылетит в Москву по первому звонку! Всё, всё готово!

– Что вы от меня хотите? – спросила женщина, неприязненно поморщившись.

– Оплатите операцию!

– Что?!!

– Оплатите операцию. Часть денег вы уже перечислили за своего мужа, надо только переписать договор ... на имя этой девочки, и оплатить оставшуюся сумму.

– Как вы можете говорить сейчас о деньгах! – возмутилась женщина. – У меня муж умер! А вы про деньги!

Маргарита подскочила с кушетки и вонзила в доктора взгляд полный праведного гнева.

– Оставьте меня в покое! Не смейте говорить со мной о деньгах! Не смейте!

– Простите, – смутился доктор. – Я думал

Он не закончил мысль, Маргарита Павловна выскочила из кабинета, громко хлопнув дверью.

Спустя полчаса Маргарита Бельская нервно курила на лестничной площадке и говорила по телефону:

– Да, я уже распорядилась Да, тело привезут Нет Нет, эти деньги уже не вернуть Я знаю Я подписала бумаги, на эти средства сделают операцию другому пациенту Я тоже думаю, что так правильно Да

А ещё полчаса спустя она вновь сидела в кабинете доктора Андреева и писала заявление:

Главврачу Московской городской онкологической больницы

*Иванову Александру Сергеевичу
от Бельской Маргариты Павловны*

Заявление

В связи со смертью моего мужа Бельского Леонида Дмитриевича, прошу вас вернуть сумму в размере 1 200 000 (Один миллион двести тысяч) рублей, перечисленных мною на подготовку операции (копии платёжных документов прилагаю).

Бельская М.П.

– Если деньги не вернете сами, я буду обращаться в суд, – сказала Маргарита Павловна, кладя листок на стол Андре-

еву.

Доктор неопределенно кивнул, но не произнес ни слова.

Новоиспеченная миллионерша покинула здание больницы и отправилась на Павелецкую площадь, надо было ехать домой, готовиться к похоронам.

Всю дорогу до площади, Маргариту Павловну одолевали противоречивые чувства. При мысли, что Лёнечки больше нет, сердце сжималось от тоски и тут же заходило радостным стуком: четыре миллиона на счету! прибавить туда два с половиной миллиона прежних накоплений – большие деньги! Её деньги! А потом неверное сердечко ёкало от страха: а что если народ узнает? Что если обратно затребуют свои денежки? Нет! Теперь это её деньги! На её имя счёт, никто не может отобрать! А потом вдруг сомнение в сердце прокрадывалось: а имеет ли она право? Ведь для Лёнечки собирали, не для неё? Но Лёнечки больше нет.... И так по кругу.

Маршрутку на Невербин Маргарита могла бы найти и с закрытыми глазами, чуть ли не каждый день туда-сюда ездила. И водителей почти всех в лицо узнавала, некоторые из них и её знали, знали, что она в Москву к больному мужу ездит. Но сегодняшнего водилу она видела впервые. И даже обрадовалась, что незнакомый. Не будет задавать вопросов лишних, не надо будет объясняться.

Маргарита молча прошествовала мимо смуглого мужичка в клетчатой рубашке, заглянула в салон, там сидели четверо пассажиров: женщина её же возраста, парень, который что-

то озабоченно бормотал себе под нос, молодая девушка, и толстяк с портфелем в руках. Маргарита села напротив женщин, подальше от храпящего в портфель мужчины.

– У нас проезд триста! – заскочил в салон водитель, обращаясь к Маргарите.

– Я знаю, – устало произнесла женщина.

– И никаких скидок! Оплата вперёд, перед отправкой!

– Вам сейчас заплатить? – начала раздражаться на крикливого водителя Маргарита.

– Нет, потом, как поедem. Просто, чтоб знали, а то удивляются потом, почему так дорого, – продолжал ругаться мужичонка, но беззлобно, а больше от скуки. – Знали бы они, сколько бензин щас стоит! А запчасти! Ещё налоги платить заставили Попробуй тут накопи, всё под чистую уходит

Маргарита уже не слушала болтливого водителя. Как и остальные пассажиры маршрутки, она погрязла в своих собственных мыслях и чувствах.

Глава 6. Acedia (Праздность)

– Арсений! – с нескрываемым раздражением позвал сына Виктор Константинович.

Сеня Мишин с трудом приподнял опухшие веки. С клубной тусовки он вернулся часов в пять утра и в голове до сих пор стучал хаус музон «Кабинета». Сеня навёл фокус замутненного взгляда на часы – десять утра. Рановато. Сделав ещё одно усилие, перевёл взгляд на отца. Тот стоял посреди комнаты, сложив руки на груди, нахмутив брови и сжав не по мужски маленький рот до размера куриной попки.

– Арсений! – снова поднял голос Виктор Константинович.

– Ну чего, пап?

– Тебе не кажется, что пора вставать?

– Ты чего не на работе? Сегодня же пятница, – переворачиваясь со спины на бок, прокряхтел Сеня. Вставать ему не хотелось.

– Я то в отпуске, а вот почему ты не на работе?

– А-а-а, точно.... В отпуске, – поморщился Сеня, игнорируя вопрос отца.

– Арсений, нам надо серьёзно поговорить!

– Па, давай потом. Я сейчас ... это ... не в кондиции.

– Значит так, – решительно подходя к кровати и скидывая одеяло на пол, рывкнул Виктор Константинович. – Пятнадцать минут тебе, чтобы ... чтобы в кондицию себя при-

вести. Жду тебя на кухне!

Виктор Константинович вышел, оставив дверь в комнату широко открытой. Из кухни выглянула мать и тут же скрылась. «Сегодня не заступится», – тяжело вздохнул Сеня. – «Ща будут дуэтом петь».

Делать нечего, Сеня скинул с кровати длинные ноги, потянулся, почесался, поплелся в туалет. После получасового отмокания в горячем душе, мозг, кажется, принял правильную форму, а то как воздушный шарик в башке болтался.

– Привет, ма! – сотворив мученическую улыбку, заглянул на кухню Сеня. – Кофе мне сделаешь?

– Привет, – ответила мать, пряча глаза. – Сейчас. Садись пока.

– Ты так и не ответил мне на вопрос – почему ты не на работе? – насупив светлые брови, сразу перешёл к делу отец.

Сеня тяжело вздохнул, посмотрел на родителя исподлобья, взглянул на мать, ища поддержки, а не найдя её, опустил глаза вниз.

– Уволился я.

– Опять? – взвизгнул Виктор Константинович.

– Па, я же говорил, мне не нравится там. Я не для того пять лет на юридическом учился, чтобы потом за копейки ассистентом вкалывать.

– А для чего ты учился? Чтобы по клубам и тусовкам таскаться? Чтобы у меня на шее сидеть?!!

– Витя, – вступилась было женщина, но тут же умолкла.

– Что Витя?! – продолжал наезжать отец. – Что Витя?! Третье место за полгода! Он что думает, что его на хорошую должность просто так, за красивые глаза возьмут?! Надо было практику здесь в Москве отрабатывать, и место было! Нет! Он к дяде Толе в Невербин поехал, всё лето с Мариком прогулял, а потом сам себе характеристику накатал. А теперь?! А теперь нам то не то, и это не этак!

– Да найду я работу, папа!

– Если бы ты её искал, то может и нашёл бы! А то ведь палец о палец не ударил!

– Ладно, всё. Закрыли тему, – отодвинув тарелку с завтраком и порываясь встать, обиделся было Сеня.

– Сеня постой! – заговорила наконец-то мать. – Витя успокойся, ты не о том хотел....

– Хорошо, – беря себя в руки, сказал Виктор Константинович супруге и примирительным тоном обратился к сыну. – У тебя сегодня собеседование в Газпроме. Я договорился. Возьмут без вопросов, пока на должность простого юриста. Если жопой в грязь не сядешь

– Витя!

– Да чего там, – отмахнулся Витя. – Если нормально всё будет, то до начальника отдела протянут. Там у Саньча свой человек есть. Тебе главное сегодня в семь в головном офисе появиться, документы завезти, бумаги подписать.

– А чего так поздно?

– А того! Я думал, ты сегодня на работе будешь, догово-

рился так, чтоб ты успел.

– А на понедельник никак? – не унимался Сеня, потирая ноющие виски.

– Никак! – психанул Виктор Константинович. – Твой толкач в понедельник в командировку улетает, чтобы за время его отсутствия никого другого туда не посадили, надо сегодня всё оформить!

– А-а-а, понятно, – протянул Сеня.

– Понятно ему! Хотя бы спасибо сказал. Такую работу ему предлагаю, он ещё думает! Смотри у меня, профукаешь место ... из дома выгоню.

Виктор Константинович для большей убедительности стукнул кулаком по столу и вышел из кухни.

– Ох, сыночек, – вздохнула мать, но тут же заулыбалась. – Начальник юридического отдела в Газпроме! Наконец-то работа по тебе будет. Ну, кушай-кушай. Надо тебе ещё рубашку свежую погладить.

Сеня вернулся к себе в комнату, включил телевизор. После двух чашек кофе спать совсем не хотелось, собираться в Газпром ещё рано. Не зная чем занять себя, Сеня включил компьютер и с головой окунулся в радужный мир социальных сетей. Он так увлекся, что чуть было не прослушал звонок мобильного, истерично орущего из-под кровати голосом Ричарда Райта.

Вытащив ворох насквозь прокуренной одежды, Сеня наконец-то отыскал в одном из карманов свой новенький

Nokia. На дисплее светилось «Марик Невербин».

– Алле, – заулыбался Сеня невидимому собеседнику.

– Здорово, братан! Спишь что ли?

– Поспишь тут. Привет!

– Чем занимаешься?

– Да так, ничем особым, – лениво потягиваясь ответил Сеня.

– На выходные какие планы?

– Пока никаких. Есть предложение?

– Ага! У нас тут вечеринка намечается. Тусовочка для своих. Так что заканчивай своё ничего особое и дуй к нам. Завтра к тому же день города у нас, погуляем ... если после сегодняшней тусовки живые будем.

– Блин, Марк, сегодня не могу.

– Не понял.

– У меня собеседование по работе сегодня вечером.

– Какое, блин, собеседование в пятницу вечером?! Не гони, братан! Быстро дуй на вокзал, еще успеешь на автобус, я тя тут встречу.

– Не, правда не могу, отец шею свернет, если не пойду.

– Да чё дядя Витя тебе сделает? В угол поставит? – из трубки послышался веселый, беззаботный смех двоюродного брата. – В общем, смотри сам. Будут все наши, Катюха придет, самое интересное пропустишь.

– Прости, брат, ну никак сегодня.

Молодые люди проговорили еще минут пятнадцать. По-

ложив телефон на стол, Сеня тяжело вздохнул и вновь обратил свой взгляд на мерцающий экран компьютера. И это надоело! Посмотрел на часы. Тоска. Сеня прошёлся по комнате взад – вперед, повалился чуток на кровати, снова прошёлся.

– А! Была не была! – сказал он сам себе и начал быстро собирать дорожную сумку.

Из дома он выскользнул незаметно, как мышь, и уже через полчаса был на Павелецком вокзале.

«Я еду», – настучал Сеня короткое сообщение брату, а сам стал вглядываться в ряды желтых маршруток, ища глазами интересующую его табличку. Найдя нужный автобус, Сеня поморщился – на такой тарантайке остатки мозга растрясутся. Но альтернативы не было, поэтому Сеня подошёл поближе к продукту российского автопрома и заглянул в салон. Микроавтобус был заполнен почти наполовину, пятеро разношерстных пассажиров сидели молча, уткнувшись взглядами в мутные стёкла Газели.

– Не бойсь, полезай, – услышал Сеня за спиной веселый, чуть скрипучий голос.

Сеня обернулся, увидел низкорослого мужичка, широко улыбающегося золотым рядом вставных зубов.

– Машинёшка хоть старая, да резвая, – словно почуяв Сенины опасения продолжал мужик. – Едет гладко, не болтает, добрым людям спать не мешает. Пристраивайся вон рядышком, отдохни чуток.

Мужик кивнул на похрапывающего в салоне автобуса тол-

стяка, который умудрился заснуть сидя.

– Спасибо, выспался, – улыбнулся в ответ Сеня. – Скоро поедем?

– Скоро уж. Сейчас за сигаретами сбегаю и поедем.

Сеня резво запрыгнул в микроавтобус, заняв свободное место у окна на последнем ряде сидений.

Глава 7. Ига (

Гнев)

Лариса Семёновна с раннего утра хлопотала на кухне – а кто же ещё приготовит завтрак любимому сыну! Невестка вон до сих пор валяется в кровати! Конечно, ее тоже понять можно, Мишутке четыре месяца всего, возни с ним много, Танька его грудью кормит, ночью по нескольку раз встаёт. Так что пусть спит пока.

Лариса Семёновна проводила сына на работу и по-хозяйски оглядела невесткину квартиру. «Да уж, порядочек!», – хмыкнула про себя женщина, проводя пальцем по телевизору. – «И как тут ребёночку жить?». Не дожидаясь, пока проснётся Татьяна, Лариса Семёновна принялась за генеральную уборку.

Татьяна никогда особо не нравилась свекрови. «И что только Пашка в ней нашёл?», – часто думала женщина, вспоминая невестку. – «Детдомовская ведь! Кто знает кто у неё родители? Может алкаши какие?».

Лариса Семёновна приехала к сыну ещё вчера вечером, отпросилась на работе на пару дней, до Москвы на автобусе

добралась (благо маршрутки из Невербина и обратно чуть ли не каждый час ходят), потом на электричке до Люберцов. А здесь Паша с Танькой квартиру снимали. Ту однушку, что Танька, как детдомовская получила (и ведь получила же!) они сдавали, а сами двухкомнатную сняли, чтоб с малышом не тесно было.

Хотя и в двушке этой не сильно-то разбежишься: кругом всё шкафами заставлено, вещи тут и там валяются, пелёнки сушатся то на батареях, то на дверях, то на зеркалах. Одним словом – бардак! Лариса Семёновна громко сопя и задрав кверху толстый зад, остервенело мыла полы.

– Доброе утро! – услышала женщина позади себя.

– А-а-а, проснулась? Доброе утро, – не очень то по-доброму ответила Лариса невестке.

– Вы что, полы что ли моете? – искренне удивилась Татьяна.

– Да вот, решила прибраться у вас.

– Зачем, Лариса Семёновна?! Я же вот, перед вашим приездом убиралась. Оставьте.

– Ну, раз начала, значит закончу. Мне совсем немного осталось. Иди пока, завтракай. Мишутка то проснулся?

– Да, в кроватке лежит.

– Пойду, погляжу, – не утерпела женщина и, помыв руки, зашла в спальню.

В детской кроватке, дрыгая голыми ручками и ножками, лежал малыш. Он забавно гулил, сложив губы трубочкой.

Увидев незнакомое лицо, гулить перестал, но не заплакал.

– Мишутка, зайка моя, – засюсюкала Лариса Семёновна. – Мать тебя совсем догола раздела. Замёрз, наверное? Надо ка тебя запеленать.

– Мы его не пеленаем уже, – сказала Татьяна, встав рядом с кроваткой. – Он в распашонках спит.

– А сейчас то чего голый?

– Так ведь тепло же, да и ...

– Это тебе тепло, а ему холодно. Иди к бабушке, Мишуточка, пеленаться будем.

Не обращая внимания на Татьяну, Лариса Семёновна достала ребёнка из кровати, и положив на пеленальный столик, начала заворачивать его в одеяло. Маленький Мишка тут же зашелся жутким криком, оковы байкового одеяла были ему явно не по вкусу.

– Ну-ну-ну, успокойся, – уговаривала малыша бабушка, раскачиваясь вместе с ним из стороны в сторону.

– Что вы делаете?! – не выдержала Татьяна. – Ему же жарко, да и не надо его качать!

– Уйди ты, – просто отмахнулась свекровь. – Ещё бы ты меня не учила!

Она сказала это без злобы, спокойно, чтобы отделаться от невестки, как от назойливой мухи. Но Татьяна была настроена воинственно:

– Отдайте мне сына! Немедленно! – жёстко, с вызовом сказала она.

Ларису покоробило от приказного тона невестки, но она сдержала себя на этот раз. Женщина отдала кричащий сверт-ток на руки матери, и громко засопев, вернулась в коридор к недомытому полу. Спустя некоторое время, после того, как Мишкины крики поутихли, в коридор пришла и Татьяна.

– Лариса Семёновна, давайте расставим все точки над Ё, – услышала Лариса твёрдый и полный решимости голос невестки.

Женщина резко встала и, подперев покатые бока руками, уставилась на Татьяну.

– Лариса Семёновна, я рада видеть вас у нас дома, но не стоит забывать, что вы тут в гостях. Мы с Пашей сами будем решать, как растить и воспитывать сына. И если я говорю, что не надо

Татьяна хотела продолжить, но для Ларисы Семёновны было достаточно и сказанного. Танком ринулась она в гостиную, чуть не сбив по пути маленькую Татьяну, и начала скидывать свои вещи в сумку.

– Что вы делаете, Лариса Семёновна? – простионала Татьяна. – Ну, куда вы?

– Домой! А то здесь я в гостях! Не буду тебе мешаться!

– Да нет же, Лариса Семёновна! Вы не так поняли, – попыталась успокоить свекровь девушка.

Бедолага не знала, что если уж Покровская Лариса Семёновна завелась по какой-то причине, то остановить её невозможно.

Словно паровоз пыхтела Лариса, застёгивая пуговицы на дорожном своём костюме. Обида, злоба так и лезли из неё с каждым выдохом, угрожая невестке гневным потоком отборной брани.

– Не так я Мишку взяла ... мешаю я ей ... я ей тут ... а она, – набирала обороты паровая машина.

– Да что вы несёте?! – не выдержала Татьяна.

– Я несу?!?! Я! – прорвало наконец-то Ларису. – Да ты как со мной разговариваешь?! Соплячка безродная! Развела тут грязизици! Убиралась она, как же! И меня еще чему-то учит! Дрянь неблагодарная! Ноги моей в этом доме больше не будет! Объясняй теперь Пашке, как мать его выгнала!

Татьяна стояла бледная, испуганная, уголки её дрожащих губ медленно поползли вниз. А разгневанная свекровь продолжала кричать на неё уже из коридора. И даже плач испуганного Мишки, доносившийся из спальни, не остановил женщину. Громко хлопнув дверью, Лариса Семёновна отправилась на станцию, продолжая ругать невестку на чём свет стоит.

Даже спустя полтора часа женщина никак не могла успокоиться. Где-то в глубине души, она может и чувствовала, что неправа, но от этого чувства лишь ещё сильнее злилась, и потому упорно шла к установленной цели, расталкивая локтями пассажиров электрички. Выходя на Павелецкую площадь в поисках автобуса на родной Невербин, Лариса чуть было не споткнулась о щуплого мальчонку-побирушку.

– Дайте на хлебушек, тётя! – заученной фразой прогнул подросток.

– Какая я тебе тетя?! Иди отсюда, пока не накостыляла! Ух, тварь безродная! Побирושка детдомовская! Иди, иди! – отводила душу Лариса.

– Тебе, случаем, не в Невербин, родная? – прервал вдруг череду её ругательств смуглый, жилистый мужичонка.

– Чего?

– Я говорю, уважаемая, вам не в Невербин ли надо?

– Да, – слегка опешила Лариса.

– Во-он та маршруточка, желтенькая. Я сейчас сигареты куплю и поедем.

Лариса постояла секунду-другую в нерешительности и направилась к указанной машине. «Наверное, ездила с ним как-нибудь, вот и запомнил», – подумала женщина, усаживаясь в Газель.

Глава 8. Искупление и Наказание.

– Ну, кажись, все! Больше никого ждать не будем, и так опаздываю, – громко гаркнул смуглокожий водитель, нарицовавшись в дверном проеме микроавтобуса. – Рассчитываемся, господа, и поехали! Триста рублёв с человека!

Пассажиры неverbинской маршрутки зашевелились, защелкали замками кошельков, зашуршали купюрами, передавая оплату за проезд. Пересчитав положенные две тысячи сто рублей, водитель закрыл дверь салона и, усевшись на своё рабочее место, громко крикнул:

– Поехали, родненькие! Поехали!

Никто не ответил на его задорную реплику. Все семь пассажиров, как сговорившись, сидели молча, и на угрюмых лицах не промелькнуло и тени улыбки. Все семеро сосредоточились на своих собственных тяжёлых мыслях. Казалось, что даже воздух в салоне, и без того отягощенный дорожной пылью и запахом бензина, был насквозь пронизан грешными думами тех семерых.

Не выдержав такой гнетущей тишины, развесёлый водила вставил в магнитолау диск тюремного шансона, и начал потихонечку подпевать своим скрипучим голосом про «ветер северный» и «зла немерено». Так прошло два часа.

Уже на подъездах к Невербину, замученный диск начал спотыкаться, заедавая и растягивая слова надоевшей всем пес-

ни. Но водитель никак не хотел мириться с тишиной и тыкал истертые кнопки магнитолы, принуждая Михаила Круга начать свою песню сначала.

– Тьфу ты, чёрт! – громко выругался водитель. – Что за канитель?!!

Он повернулся в сторону магнитофона, и выпустив руль из рук, начал проводить какие-то манипуляции с непослушной техникой. Словно собака, почуявшая, что хозяин отпустил поводок, Газель взбрыкнула и, налетев на камень, вильнула в сторону, выскочив на встречную полосу. Испугавшийся меломан вновь схватился за руль и резко вывернул его вправо, так резко, что машина мгновенно вылетела на обочину и, сбив хилое ограждение, понеслась под откос. Напрасно водитель изо всех сил жал на тормоза, машина не слушалась его. Подпрыгнув на очередной кочке, Газель перевернулась и кубарем покатила в овраг.

Всего каких-то двадцать две секунды билась Газель в предсмертной агонии, ударяясь жёлтыми боками о камни, всего двадцать две секунды несчастные её пассажиры летали по салону, ломая кости о железные внутренности микроавтобуса, теряя сознание, умирая. Но каждый, каждый из семерых успел пополнить эфирное пространство космоса новой мыслью, последней предсмертной мыслью.

«Сука! Танька – сука! Из-за неё всё! Если бы не выгнала меня из дома, не было бы ничего!», – пронеслось в голове у Ларисы Семёновны, как раз перед тем, как голова эта раз-

возможилась о вылетевший из-под сидения огнетушитель.

Арсения Мишина кидало по всему салону, как огромную тряпичную куклу, ломая и разрывая на части. На его счастье он практически сразу потерял сознание и очнулся лишь на секунду. И надо же, чтоб в эту единственную секунду, его посетила столь нелепая мысль: «А как же тусовка?». В следующее же мгновение, Сеня вновь отключился ... навсегда.

«Деньги! Мои деньги! Как же так? Куда же их теперь? Кому? Мои ведь?!», – стонала Маргарита Павловна в полузабытьи, когда маршрутка уже практически прекратила свою смертельную пляску. Маргарита попыталась было подняться, но жизнь стремительно вытекало из неё сквозь разорванную артерию.

Санька Селиванов не кричал и не охал, он ловко сгруппировал своё молодое тело, вцепился сильными руками в сиденье и, крепко сжав зубы, гонял в голове одну единственную разудалую мысль: «Ну, хоть покувыркался напоследок с Виалеткой! Покувыркался! Ох, и покувыркался!». Но при очередном кувырке микроавтобуса, его всё же выбросило из разбитого окна, и, шмякнувшись на острые камни, молодое тело обмякло.

«Не успела! А-а-а, не успела! Отцу позвонить не успела! Он ведь сам ей скажет! Скажет Верке, что хочет издать её роман. Нет! Нет!», – рыдала Маша, и слёзы градом катились по круглым её щекам. То были горькие слёзы обиды, смешанные с кровавыми слезами жуткой боли. Мучения де-

вушки закончились, когда упав между рядами сидений, она свернула себе шею.

Единственный из всех пассажиров, кто в тот страшный момент думал не о смерти, а о жизни, был добродушный инспектор СЭС. Его ожиревший мозг не допускал и мысли, что он, Григорий Люсик (заместитель начальника территориального отделения Роспотребнадзора по Восточному округу города Москвы!) может вот так внезапно умереть. «Ох! Ох-хо-хох! Покурить! Остановиться и покурить Потом к теще К теще на блины И выпить! Как только доберусь до Невербина ... надо ... надо будет...». Что «надо будет» Гриша додумать не успел, что-то лопнуло у него внутри при ударе о пол, и громко вскрикнув, инспектор отключился.

Лидия Алексеевна тоже умирала. Переломанные конечности приносили кошмарную боль. Но сквозь эту боль она ощущала холодный ужас, подступающий к её сердцу. То был не страх перед смертью, нет. Ей было страшно от того, что ничего уже нельзя исправить. «Что же я наделала? Зачем? Почему? Гордыня! Всё моя гордыня! Я ведь могла спасти их, я ведь видела! И кем я себя возомнила?! Андрейка! Что же будет с ним? Прости меня, Андрейка! Прости, Господи!». На этом мысль оборвалась. Ударившись о железную скобу над дверью, Лидия Лестерова погрузилась в темноту.

Скорая помощь приехала быстро, сразу четыре машины скорой помощи. Страшная авария – семь трупов! Их грузи-

ли на каталки, накрывали покрывалами и увозили в городской морг Невербина. Семь трупов: шесть пассажиров и водитель. Единственной чудом выжившей оказалась пожилая женщина. Её руки и ноги были сломаны, всё тело изрезано, но она была жива. И как только женщина пришла в себя, она судорожно заговорила:

– Исправить, надо всё исправить!

– Тише, тише, – успокаивала её медсестра.

– В милицию! Срочно в милицию! Звоните! Они их похитили! Всех! И Андрея маленького. Я видела машины, я запомнила номера. Звоните!